

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2025. № 4

Culture and anthropology research journal. 2025. № 4

Научная статья

УДК 903.5(571.1)

Артефакты статуса и социального престижа детского костюма на юге Западной Сибири (по археологическим материалам севера Верхнего Приобья)

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу отражения престижа и социального статуса в артефактах (украшениях, поясной гарнитуре, металлическом шитье) из элитарных детских погребений широкого хронологического и культурного спектра на территории севера Верхнего Приобья. Элитарность этих погребальных комплексов обосновывается целым рядом признаков. Среди них уникальность предметов, использование для их изготовления драгоценных металлов и камней, избыточность и богатство сопроводительного инвентаря, а также этнографические параллели, связанные с высоким социальным статусом. Для материаловедческой диагностики артефактов из драгоценных металлов (украшений, шитья) использованы естественно-научные методы (рентгеноспектральный и энергодисперсионный анализы), а также палеоэтнографический подход и данные письменных источников. В ходе исследований серии элитарных детских погребений от эпохи раннего средневековья (V–VII вв.) до Нового времени (XVIII–XIX вв.) установлено, что такие погребальные комплексы создавались в определенных исторических условиях: во-первых, в процессе формирования исторических условий возникновения ранней государственности (военно-потестарные общества); во-вторых, при распространении и закреплении на определенной территории Сибири российской государственной традиции; в-третьих, в обоих случаях активно реализовался культурный механизм соотносительности оценок в формате престижа и социального статуса. Это проявлялось либо в формате наследственной передачи статуса взрослых индивидов, либо институализации социального и профессионального статуса детей в ролях взрослых. Последний фактор для территории севера Верхнего Приобья мог проявляться в рамках влияния феномена служебной корпорации Колывано-Воскресенских заводов Горного ведомства и его учебных заведений.

Ключевые слова: престижные артефакты; элитарные погребения; дети; статус; престиж; Верхняя Обь

Для цитирования: Бородовский А. П. Артефакты статуса и социального престижа детского костюма на юге Западной Сибири (по археологическим материалам севера Верхнего Приобья) // Культурно-антропологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 8–30.

Финансирование. Работа подготовлена по теме госзадания НИР ИАЭТ СО РАН «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)».

Scientific article

**Artifacts of the Status and Social Prestige of Children's Costumes
in the South of Western Siberia (Based on Archaeological
Materials from the North of the Upper Ob Region)**

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reflection of prestige and social status in artifacts (jewelry, waist headset, metal sewing) from elite children's burials of a wide chronological and cultural spectrum in the north of the Upper Ob region. The elitism of these burial complexes is justified by a number of signs. Among them: the uniqueness of the objects, the use of precious metals and stones for their manufacture, the redundancy and richness of the accompanying inventory, as well as ethnographic parallels associated with high social status. For the materials science diagnostics of artifacts made of precious metals (jewelry, sewing), natural scientific methods (X-ray spectral and energy dispersive analyses), as well as a paleoethnographic approach and data from written sources were used. In the course of research on a series of elite children's burials from the Early Middle Ages (V–VII centuries) to Modern Times (XVIII–XIX centuries), it was found that such burial complexes arose in certain historical conditions. Firstly, either in the process of forming the historical conditions for the emergence of early statehood (military-territorial societies). Secondly, when spreading and consolidating the Russian state tradition in a certain territory of Siberia. Thirdly, in both cases, the cultural mechanism of correlating assessments in the format of prestige and social status was actively implemented. This manifested itself either in the format of hereditary transmission of the status of adult individuals, or the institutionalization of the social and professional status of children in adult roles. The latter factor for the territory of the north of the Upper Ob region could manifest itself within the framework of the influence of the phenomenon of the Kolyvan-Voskresensk Mining Department's service corporation and its educational institutions.

Keywords: prestigious artifacts; elite burials; children; status; prestige; Upper Ob

For citation: Borodovsky A. P. Artifacts of the status and social prestige of children's costumes in the south of Western Siberia (based on archaeological materials from the north of the Upper Ob region). *Culture and anthropology research journal*, 2025, no. 4, pp. 8–30.

Funding. This work was prepared under the state research assignment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, "The Formation of Original Features of Russian Civilization and the Formation of an Empire Based on Research on Siberian Monuments of the 16th–20th Centuries (FWZG-2025-0013)".

Введение. Артефакт (вещь) в рамках любой культуры является одновременно материальным объектом и знаком как самого себя, так и определенной культурной ситуации [1, с. 52–132]. Артефакты обладают символическим измерением [2, с. 193], отражающим статус и социальный престиж. Эти два понятия соотносятся через призму общего анализа, который в свою очередь отражает целый комплекс признаков, среди которых личный и приобретенный статус индивида, а также констатация определенной иерархии, связанной с той или иной степенью элитарности. При этом если престиж представляет собой оценку обществом социальной значимости тех или иных социальных статусов, которая закреплена через материальные носители в культурной среде, то смысл понятия «элитарность» в основном связан с немногочисленностью и избранностью этого явления, в котором, тем не менее, количественный параметр напрямую соотносится с его исключительным качеством или даже уникальностью. В археологии к таким артефактам, как правило, относятся импортные, престижные предметы; изделия из драгоценных и полудрагоценных материалов, а также количество этих вещей – от эксклюзивных находок до избыточных вещевых серий. Чаще всего социальный статус и престиж бывает представлен в комплектах артефактов, связанных с металлическими деталями костюма (украшения, поясная фурнитура, отделка шитьем). Элитарность погребальных комплексов представлена на археологическом уровне целым рядом признаков. Среди них уникальность предметов, использование для их изготовления драгоценных металлов и камней, избыточность и богатство сопроводительного инвентаря, а также этнографические параллели, связанные с высоким социальным статусом.

Анализ такого вещевого феномена закономерно провести, используя историческую ретроспективу, которая в археологических материалах представлена в достаточно отчетливом виде.

Среди таких артефактов предметы из детских элитарных костюмов занимают совершенно особое место. В России уже в первой трети XVII столетия в элитарной социальной среде начинает формироваться престижный предметный комплекс, связанный с детскими статусными одеяниями. С XVIII века детский парадный портрет в Российской империи становится полноценным социальным конструктом [3]. Институализация детского костюма как маркера престижа и социального статуса завершается в России в начале XIX века [4]. В целом такой феномен в исторической перспективе был обусловлен целым рядом факторов, среди которых мифология, социальная иерархия и преемственность, а также исторические ситуации, включающие миграционную активность и распространение определенных культурных и государственных

традиций. Анализу проявлений указанных факторов в материальной культуре посвящена настоящая публикация.

Материалы и методы. Материалом для исследований стали результаты археологических раскопок¹, проведенных Т. Н. Троицкой (Умна-3 курган-8, погребение 1, Юрт-Акбалык-8 курган 23, погребение 1,2) и А. П. Бородовским (Ивановка-6 курган-3, Умна-2 курган 1 погребение 1, некрополь на месте Умревинского острога, погребение К (49)) на севере Верхнего Приобья (Колыванский, Ордынский, Мошковский районы Новосибирской области) в 70-е и 90-е годы XX века и начале нового столетия [5; 6]. Эта территория представляет собой не только сочетание нескольких ландшафтных зон (южно-таежную, лесостепную и северную степную), но и регион с важным участком магистральной реки (Оби), где на протяжении целого ряда исторических периодов располагалась естественная граница целого ряда культурных традиций, а в дальнейшем стал формироваться один из участков пограничной линии Московского царства и Российской империи на юге Западной Сибири (рис. 1). Существование в этой местности элитарных детских погребений на протяжении длительного хронологического периода (от эпохи раннего железа, раннего средневековья и Нового времени) позволяет рассмотреть их в исторической динамике от конца XVIII столетия до середины I тыс. до н. э. в контексте от стадии вождества до включения этой территории в состав Российского государства.



Рис. 1. Верхнее Приобье на карте Евразии

Для материаловедческой диагностики уникальных артефактов, изготовленных из драгоценных металлов (украшений, шитья) из некоторых детских элитарных погребений (Ивановка-6 к.3, погребение К (49) некрополя на месте Умревинского острога) были использованы естественно-научные методы (рентгено-флюоресцентный и энергодисперсионный анализы), а также палеоэтнографический подход и данные письменных источников.

¹ Материалы из разновременных детских элитарных погребений были получены в ходе проведения археологических практик студентов НГПИ-НГПУ под руководством д-ра ист. наук, проф. Т. Н. Троицкой и д-ра ист. наук, проф. А. П. Бородовского.

Анализ этих детских погребальных комплексов приводится в хронологическом порядке от более поздних к более ранним. Такой прием соответствует палеоэтнографическому подходу. Однако прежде следует отметить, что теоретики археологии еще не пришли к консенсусу по поводу этого методологического приема. Одни исследователи весьма воодушевлены перспективами, которые открывает системное и критическое выверенное применение этнографических данных, параллелей, аналогий, моделей археологическому материалу (источнику) [7, р. 14; 8]. Другие исследователи, напротив, настроены скептически к «логически ущербным заключениям по аналогии», включая прецеденты из этнографии, использующиеся для интерпретаций в археологии [9, с. 25–74]. Такие рассуждения далеко не беспочвенны. Поскольку, с одной стороны, для археологических материалов характерна фрагментарность, неполнота и существенные разрывы во времени и традиции [10, с. 61]. Тогда как, с другой стороны, аналогия как прием, используемый в научных исследованиях, должна соответствовать целому ряду критериев. Во-первых, достоверность аналогичного аргумента основана на достоверности связанного с ним сопоставления аналогий. Во-вторых, достоверность сопоставления аналогий определяется показателем, который указывает, насколько близко оно приближается к изоморфизму. Кроме того, аналогия должна быть не формальной, а обладать целым рядом системных качеств, позволяющих выдвинуть определению гипотезу. В свою очередь положения гипотезы должны быть аналогичны некоторым известным законам [11, р. 129]. Для материального комплекса детских элитарных погребений на территории севера Верхнего Приобья эпохи раннего средневековья и Нового времени к таким законам парного действия можно отнести специализацию и универсализацию; дивергенцию и конвергенцию; полиморфизм и полифункциональность. При этом структурное сходство между рядом явлений становится одним из аргументов достоверности. Поскольку структурные аналогии всегда значительно сильнее, чем те, которые основаны на поверхностном сходстве. Для элитных детских погребений эпохи раннего средневековья и Нового времени в Верхнем Приобье таким структурным компонентом является различная степень соотношения с государственной традицией. Если в первом случае (раннее средневековье) это только преддверие такого социального фактора (военно-поместные общества), то во втором случае (Новое время) – уже полноправное вхождение указанной территории и населения в сферу российской государственности (Российская империя).

В соответствии с этими принципами приведем краткое описание привлеченных к исследованию археологических комплексов. Детское погребение К (49) с золотым шитьем (рис. 2) находилось на месте упраздненного Умревинского острога в конгломерате захоронений, объединяющем могилы Г (44) и К (49).

Длинной осью могильная яма по православному обряду была ориентирована с востока на запад. Погребение было впущено в край слоя строительного мусора сгоревшей жилой конструкции в центре острога. В могиле находился скелет ребенка. Он лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад,

лицевой частью на восток. На шее погребенного располагался металлический нательный крест «листовидной» формы. Руки захороненного были скрещены на груди. В районе бедер, запястий и груди погребенного обнаружены фрагменты верхней наплечной одежды, расшитой нитью с серебряным металлическим покрытием² (рис. 3).



Рис. 2. Элитарное детское погребение с металлическим шитьем в некрополе на месте Умревинского острога (Мошковский район Новосибирской области)

² Анализ состава металла металлических нитей для шитья верхней одежды выполнен энергодисперсионным методом (мультиэлементный анализ) на сканирующем микроскопе «Хитачи» с 30-кратным увеличением и проведен специалистом М. М. Игнатовым лаборатории изотопных исследований «Alstopes» ИАЭТ СО РАН. Для определения состава металла таких нитей было проведено шесть замеров в различных точках двух образцов металлических нитей. На основании таких измерений удалось также выяснить значительную неоднородность сплава металлического покрытия нити. Если для первой нити было характерно наличие серебра от 99,4 до 86 %, золота – от 0,4 % до 13,8 %, меди – от 0,25 % до 0,8 %. То для второй нити соотношение в сплаве различных металлов было несколько иным: серебро составляло от 86,5 % до 56,4 %, золото – от 40 % до 12,5 %, а медь – от 1,9 % до 3,6 %.

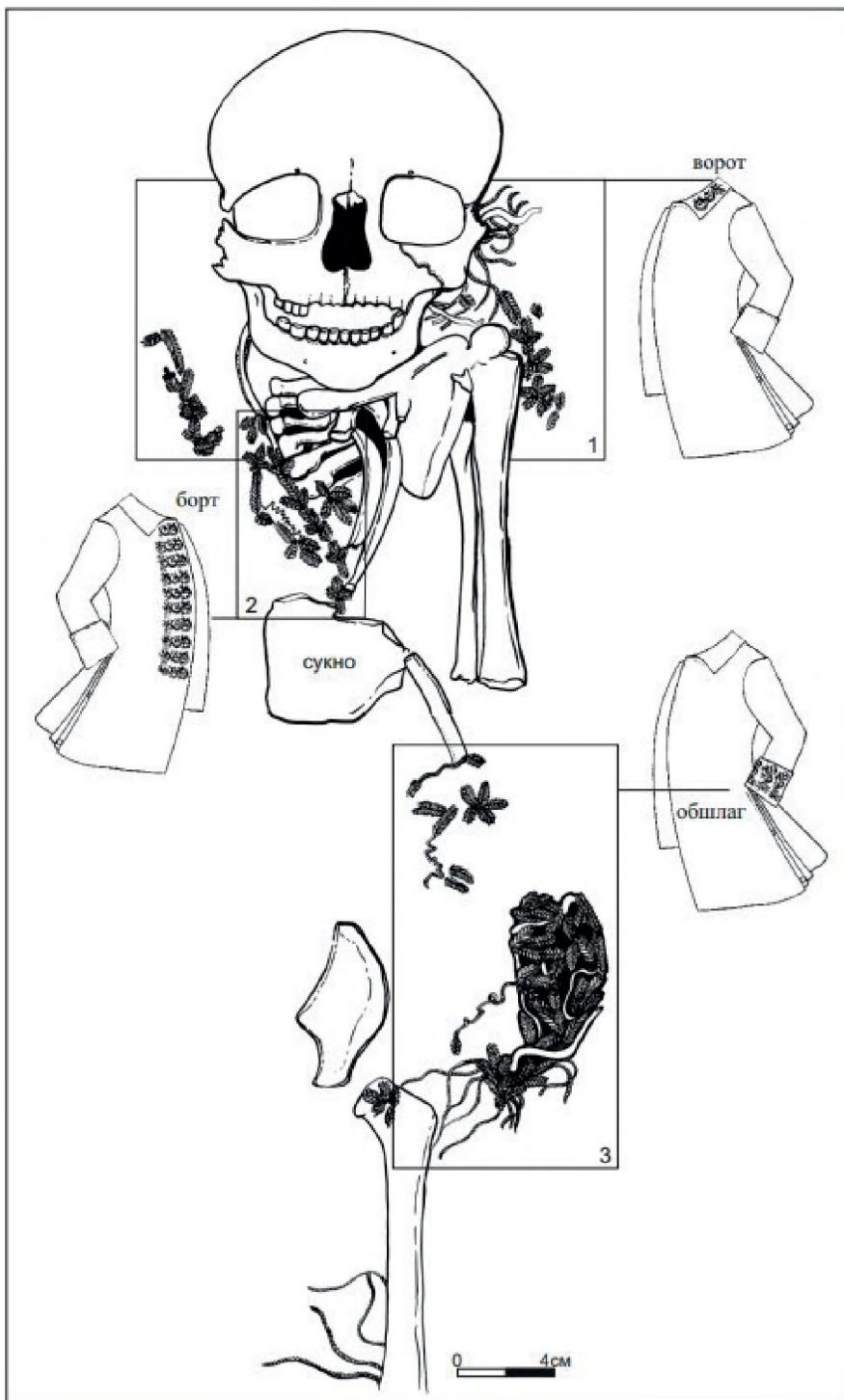


Рис. 3. Металлическое шитье в погребении и его элементы:
1 – ворот; 2 – борт; 3 – обшлаг

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
PART I. CULTURAL HISTORY

Такое шитье располагалось по вороту (рис. 3, 1), полам (рис. 3, 2), обшлагам (рис. 3, 3) верхней одежды. Представлен целый ряд различных элементов шитья. Среди них «елочка», «колося», пятилучевые и шестилучевые «звездочки» (рис. 4).

ШИРИНА	1 мм	5 мм	1,5 см	1,5 см	1,5 см	1,5 см	1,5 см
виды вышивки							

Рис. 4. Элементы металлического шитья форменного платья ребенка



Arch0455

2020/09/01 12:18 A D8.7 x40 2 mm

Рис. 5. Металлическое покрытие образца серебряной нити (40-кратное увеличение)

В качестве сердечника металлического шитья использована некрученая нить в виде пучка отдельных ничем не скрепленных тонких нитей. Металлическое покрытие получено путем плотного спирального обкручивания тканевой основы тонкими металлическими полосками в «S»-направлении. Угол навивки был острый, сама навивка плотная (рис. 5).

Декоративные элементы («елочка», «колося», пятилучевые и шестилучевые «звездочки») были нашиты поверх остатков тканевой основы красного цвета. Такая одежда была, очевидно, распашной и соответствовала кафтану или камзолу, не имевшему металлических пуговиц. На ногах погребенного сохранились фрагменты кожаной обуви (сапог). Под тленом от досок гроба, с левой стороны от черепа младенца находилась монета («сибирка») 1767 г., времени правления императрицы Екатерины II. Эта нумизматическая находка принадлежала культурному слою сгоревшей жилой конструкции в центре острога, где было размещено несколько погребений. Здесь было обнаружено значительное скопление нумизматического материала. При этом самая поздняя «реперная» монета на пожарище в центре сруба жилища относилась к 1797 г. Такой стратиграфический и нумизматический контекст позволяет относить детский погребальный комплекс к концу XVIII в. или к рубежу XVIII–XIX столетий. В этот период золотое шитье в Российской империи утрачивает преимущественную связь с ритуальной сферой (богословием) и развивается под влиянием художественных стилей светского искусства и основных социальных трендов [12, с. 73]. Одним из них, начиная с петровского времени, является мундир (форменное платье), в отделке которого с первой четверти XVIII в. начинает активно использоваться шитье нитями с металлическим покрытием (золото, серебро). В 1764 г. появилась особая генеральская форма с золотым или серебряным шитьем. Чины отличались по обилию орнамента: у бригадиров шитье представляло одну линию лавровых листьев, у генерал-майоров – два ряда, составлявших как бы гирлянду, у генерал-поручиков – две гирлянды, у генерал-аншефов – две гирлянды с половиной, у фельдмаршалов добавлялась еще расшивка по швам рукавов спереди и сзади и по швам кафтана на спине. Эти мундиры были парадными, повседневные мундиры были без шитья [13, с. 31, 33]. Доступности золотого шитья на мундирах в России в XVIII столетии способствовало появление в Москве в 1785 г. первой золотоканительной фабрики [14, с. 13].

Наряду с этими фактами следует отметить, что на территории Западной Сибири в XVIII в. в этнографических материалах зафиксированы случаи присутствия форменного платья в ритуальной сфере. В частности, в святилище Хурумпауль (Березовский район ХМАО – Югры) был обнаружен мундирчик детских пропорций [15, с. 112, 113, рис. 130]. Он полностью соответствовал стандартам потемкинской военной реформы 1786 г. (рис. 6).



Рис. 6. Мундирчик детских пропорций из святилища Хурумпауль
(Березовский район ХМАО – Югры), соответствующий
стандартам потёмкинской военной реформы 1786 г.

В предшествующую эпоху (раннего средневековья) на территории севера Верхнего Приобья также был выявлен целый ряд еще более ранних элитарных детских захоронений. Они относились к верхнеобской археологической культуре (V–VIII вв.). Среди них погребальные комплексы: Умна-2 курган 1 погребение 1; Умна-3 курган-8, погребение 1, Юрт-Акбалык-8 курган 23, погребение 1,2, Крохалевка 12 курган 1, погребение 2/2. Присутствие в сопроводительном инвентаре некоторых верхнеобских элитарных детских погребений (Умна-2, Умна-3, Юрт-Акбалык-8) средневековых монет (сасанидских, китайских) не упрощает их датировку, а ставит проблему выявления монетного репера, позволяющего более или менее точно определить реальную хронологию таких захоронений по наличию реперных монет [16]. Тем не менее в целом эти детские элитарные погребальные комплексы (рис. 7) с учетом хронологии китайской и сасанидской нумизматики и другого датирующего археологического материала (поясной гарнитуры и реплик предметов оружия) можно уверенно относить не позднее, чем к VII в. н. э. [17].

Одним из самых ранних элитарных детских погребений на территории севера Верхнего Приобья является захоронение младенца из кургана-3 Ивановки-6 (V–VI вв.). Этот некрополь расположен на возвышенном урочище под названием «Гора» на правом берегу р. Оби. Возраст захороненного на основании развития корневой системы и коронок зубов составлял $2,5 \text{ года} \pm 10 \text{ месяцев}$ (определение антрополога Е. Г. Шпаковой). Он соответствовал другим элитарным погребениям из Умны-2,3 и Юрт-Акбалыка-8. Погребенный в Ивановке-6 располагался вытянуто на спине головой на восток (рис. 8).



Рис. 7. Реконструкция костюма из детского элитарного погребения верхнеобской культуры Умна-3, курган 8

Справа от младенческого скелета располагался крупный фрагмент широкой обожженной плахи, под которым лежала рукоять плети, перевитая бронзовой лентой (рис. 9, 1). Из сопроводительного инвентаря у правого виска погребенного была обнаружена серебряная пальчатая фибула с зернью и кабошоном из кроваво-красного граната (рис. 9, 2). У левого виска погребенного располагалась проволочная витая серьга в виде знака вопроса с деревянным стержнем внутри (рис. 9, 3). Между костями черепа младенца и нижней челюстью находилось шесть сферических бусин плохой сохранности (рис. 9, 4). Возможно, они являлись украшением головного убора. На шее захороненного

располагалась массивная гривна (рис. 9, 5), а в районе пояса – скопление нескольких бронзовых предметов. Среди них две зооморфные подвески (рис. 9, 6), пара прямоугольных блях с псевдозернью (рис. 9, 7), несколько полусферических бронзовых бляшек с отверстиями для пришивания (рис. 9, 8) и небольшая железная пряжка на поясе (рис. 9, 9). Из другого сопроводительного инвентаря следует отметить стержневидное роговое изделие с отверстием. В насыпи детского кургана обнаружены миниатюрные кольчатые железные удила.



Рис. 8. Зачистка элитарного младенческого погребения в кургане 3
Ивановки-6 (Ордынский район Новосибирской области)

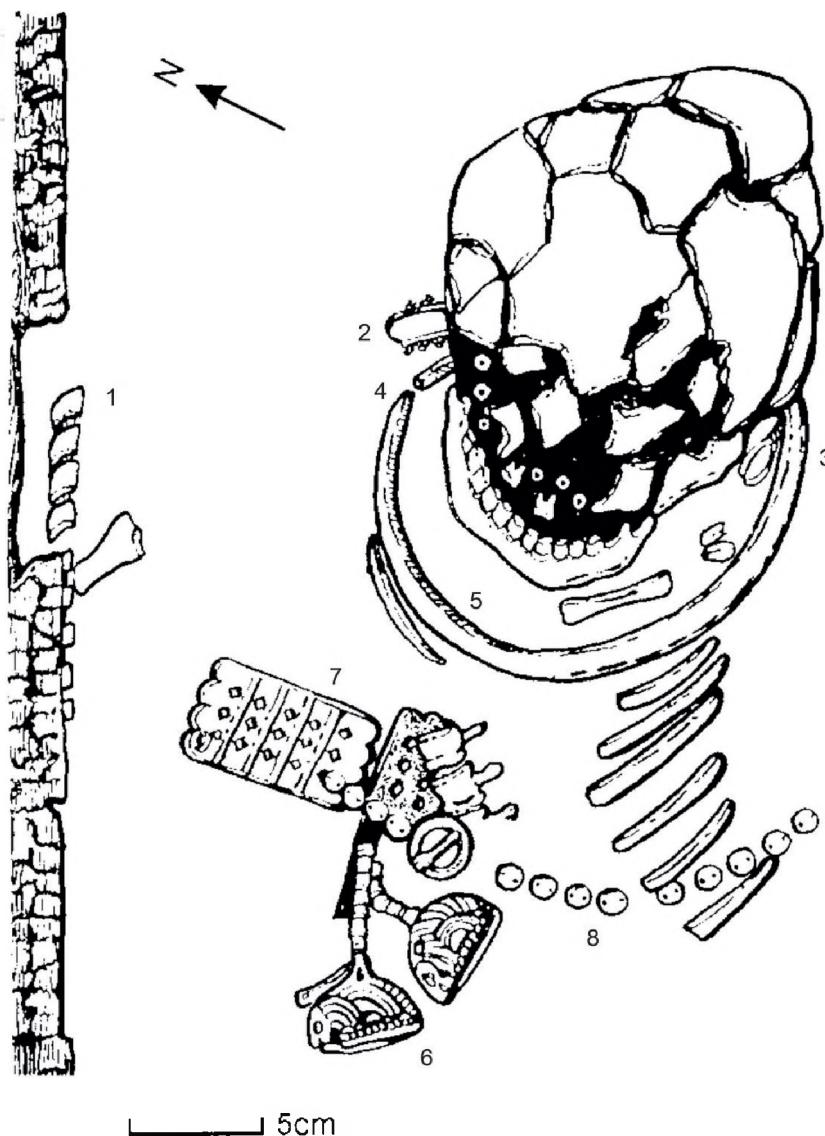


Рис. 9. Чертеж элитного младенческого погребения кургана З Ивановки-6;
1 – рукоять плети, обвитая бронзовой лентой; 2 – серебряная фибула-подвеска
с гранатовым кабошоном; 3 – проволочная витая серьга; 4 – бусины; 5 – бронзовая
гривна; 6 – парные бронзовые зооморфные подвески; 7 – парные бляхи
с псевдозернием; 8 – бронзовые полусферические бляшки; 9 – железная пряжка

Из всего набора сопроводительного инвентаря серебряная фибула-застежка с зернью и гранатовым кабошоном представляла собой уникальное изделие полихромного стиля гунно-сарматского времени (рис. 10, 1).

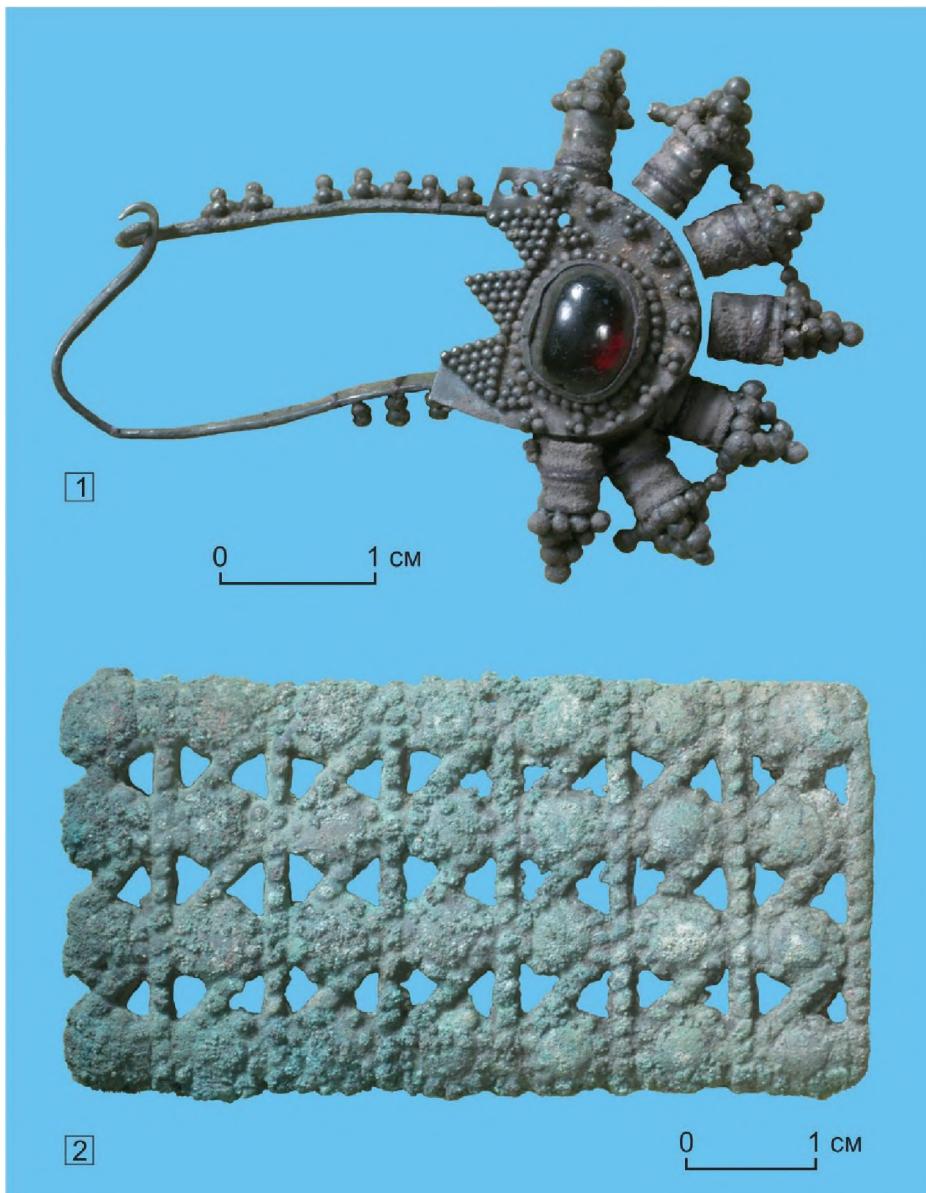


Рис. 10. Импортные и местные украшения из элитарного младенческого погребения Ивановки-6; 1 – серебряная фибула-подвеска с гранатовым кабошоном и зернью; 2 – бронзовая поясная бляха с декором в виде псевдозерни

Во-первых, этот предмет, несмотря на свое сходство с колтами-подвесками, до сих пор не имеет прямых аналогий среди ювелирных изделий полихромного стиля эпохи Великого переселения народов. Во-вторых, стилистика декоративной отделки зернью этого украшения не позволяет однозначно определить его происхождение, поскольку для украшений восточного происхождения типично отсутствие орнаментальных комбинаций из треугольников, выполненных

женных зернью [18, с. 16–24]. Однако именно эта особенность присуща для серебряного предмета из Ивановки-6. Треугольники на украшении разной величины выложены различным количеством зерни – от 3, 6 до 21 зернинки диаметром 0,3 мм. Например, для полихромных предметов с зернью из Тугозвоновского княжеского комплекса (рис. 11, 3) [19] характерно сочетание зернинок в треугольниках в несколько другой пропорции – от 3, 10 до 15. Тем не менее в целом это укладывается в интервал от 15 до 55 зернинок типичного, по мнению И. П. Засецкой, для украшения Северного Причерноморья первой группы полихромного стиля (рис. 11).



Рис. 11. Полихромные украшения Евразии частично аналогичные изделию из Ивановки-6. 1 – Акчай-Карасу (Киргизия); 2 – Боровое (Казахстан); 3 – Тугозвоново (Верхняя Обь); 4, 5 – Актасы (Казахстан); 6 – Алешки (Северное Причерноморье); 7 – Феодосия (Крым)

Причем западнее г. Варны в Болгарии и с. Бэлтень в Румынии бытование этих изделий не известно. Конструктивно серебряная фибула-подвеска из Ивановки-6 близка к парным ювелирным изделиям из Борового в Восточном Казахстане (рис. 11, 2), хотя прямых аналогий такой предмет не имеет.

Другое головное украшение (витая проволочная серьга в виде знака вопроса) из кургана 3 Ивановки-6 было не менее любопытно. Во-первых, в предшествующую эпоху раннего железа у таких украшений имеются более древние прототипы в материалах культур Обь-Иртышья (большереченской – Милованово-2 и саргатской – Исаковка-3) [20, с. 158, табл. XXVIII, 3, 4]. Во-вторых, в эпоху раннего средневековья эти украшения получают широкое распространение от верховьев Оби до Центральной Европы (Словакия) [21]. Однако если на западе такие серьги единичны и территориально разрознены, то на востоке, в Западной Сибири они более компактно локализуются от южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья (Усть-Тара VII) [22, с. 124, рис. 6, 4] до Верхней Оби (Ближние Елбаны-3, Ивановка-6) [23, с. 209, табл. XLV, 11]. Гривна на шее младенца относится к числу наиболее часто встречаемых украшений в харинских памятниках ломоватовской культуры (IV–VI вв. или V–VII вв.) распространенных на территории Приуралья [24]. В Западной Сибири бронзовые гривны ромбического сечения часто встречаются с объемными зооморфными отливками [25, с. 77–79], также характерными для «пермского зверинного стиля» Приуралья. Аналогичное сочетание характерно для погребального комплекса Ивановки-6, датирующегося V–VI вв.

Особое значение в этом захоронении имеют парные подпрямоугольные поясные бляхи с выпуклостями и прорезями, декорированные изображениями псевдозерни³ (рис. 10, 2). В детских элитарных захоронениях на Верхней Оби такие предметы кроме Ивановки-6 курган 3, представлены в Юрт-Акбалыке-8 курган 23 погребение 2. На юге Западной Сибири целая серия таких изделий локализуется в археологических памятниках Новосибирского Приобья (Юрт-Акбалык-8, Черное Озеро-1, Старобибеево-6) [26, с. 104, рис. 17, 52, 53, 54], а также окрестностях г. Бийска⁴ (Бийское городище 2) [27, с. 32, рис. 13, 1] и до Кузнецкой котловины (Черемза I) [28, с. 451, рис. 1, 1]. Аналогичные предметы также представлены в раннесредневековых памятниках южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья (Усть-Тара VII) и Сургутского Приобья (городище Сартым-Урий).

³ На Верхней Оби на всем протяжении развития верхнеобской культуры подквадратные бронзовые бляхи с прорезями последовательно сосуществуют с другими предметами поясной фурнитуры, как местного, так и общеевразийского образца. В свою очередь, отсутствие владения «искусством зерни» не могло не стимулировать появление местных подражаний на доступном технологическом уровне. Поэтому находка в детском элитарном погребении Ивановки-6 украшения с настоящей зернью и парных поясных блях с ее имитацией подчеркивает хорошую осведомленность носителей верхнеобской культуры с образцами такой сложной ювелирной технологии.

⁴ Следует подчеркнуть, что большинство этих изделий встречено именно на Верхней Оби (Юрт-Акбалык-4 (1 экз.), Юрт-Акбалык-8 (1 экз.), Черное Озеро-1 (1 экз.), Бийское городище 2 (1 экз.), Ивановка-6 (2 экз.), Старобибеево-6 (5 экз.).

Однако следует отметить, что только на Средней (городище Сартым-Урий) и Верхней (курганная группа Ивановка-6) витые проволочные серьги в виде знака вопроса и подпрямоугольные поясные бляхи с выпуклостями и прорезями, декорированные изображениями псевдозерни представлены совместно в рамках одного археологического комплекса. Такие особенности распространения этих украшений подчеркивают их местное бытование на территории Западной Сибири.

Обсуждение В общем, все представленные материалы детских элитарных погребений от эпохи Нового времени до раннего средневековья с севера Верхнего Приобья вполне доступны для интерпретации в рамках палеоэтнологического подхода. Такое исследование, кроме критического выверенного привлечения этнографических данных, параллелей, аналогий, моделей к археологическому материалу, одно из важных условий соблюдения принципа историзма в реконструкции. Не менее значима при палеоэтнологическом подходе и определенная мировоззренческая традиция, опирающаяся на мифологию [29, с. 7, 8]. В таком контексте известным модусом рассмотрения вещи становится мифология, а точнее – мифы о происхождении вещей. У древних людей, как и в рамках детской культуры, рефлексия о вещи начинается с вопрошения о названии вещи как выражения сути, ее предметной данности и происхождения [30, с. 23]. Поэтому представляется закономерным анализировать предметы в исторической ретроспективе от настоящего к прошлому на основании сопоставимых социальных параметров. В нашем случае это отражение в артефактах их статусности и престижности применительно к возрастным особенностям погребенных.

В рамках такого подхода богатые детские раннесредневековые погребения верхнеобской культуры на севере Верхней Оби однозначно принадлежат в элитарный социальный слой, у которых ритуалы захоронения очень сильно мифологизированы. Последнее обстоятельство имеет для раннего средневековья особое значение. Именно в это время формируются региональные версии для Южной Сибири и Центральной Азии предания о «царственном» юном герое. Признаки такой мифологической традиций прямо или косвенно представлены в археологическом материале детских элитарных погребений, для которых характерна уникальность и избыточность наборов артефактов.

В свою очередь, принадлежность элитарного детского захоронения из Ивановки-6 к самой высокой ступеньке социальной стратификации общества племен верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье подчеркивается серебряной подвеской – «фибулой» с гранатовым кабошоном. Украшения с такими драгоценными камнями были атрибутом социальной элиты не только у «варваров» степной и лесостепной зоны Евразии, но и в Византии. Параллели в размещении серебряного полихромного предмета из Ивановки-6 на правом плече погребенного, и возможная связь с верхней одеждой типа плаща также может иметь византийские, «ромейские» аналогии. В связи с этим необходимо отметить, что находки провинциальных типов римских фибул известны в Барабинской лесостепи (Усть-Тартасский могильник) уже в эпоху раннего

железа. Говоря о социальном престиже на примере как отдельных артефактов, так и моды в целом, нельзя не принимать во внимание еще «соотносительность оценки», поскольку сравнения служат одним из важнейших средств «оценивания для индивидов, социальных групп и обществ» [31]. На фоне прямого или опосредованного взаимодействия с главными культурными центрами своего времени это не могло не приводить к заимствованиям, особенно в элитарной среде «варварских обществ». В свою очередь такие процессы, включая формирование военно-потестарной структуры, на территории юга Западной Сибири возможны были только на определенном этапе социально-экономического развития общества. Для территории юга Западной Сибири такие процессы формирования элементов ранней государственности в V–VII веках были связаны с двумя тюркскими, а в дальнейшем кыргызским и уйгурскими каганатами, в сферу влияния которых опосредованно интегрировалось местное население Верхней Оби.

Спустя тысячелетие, в XVII–XVIII веках значительная часть юга Западной Сибири (север Верхнего Приобья) была включена в сферу влияния российской государственной традиции, в которой мундир стал основным символом и материальным носителем социального статуса. Во второй половине XVIII в. металлическое шитье для мундиров в России получило распространение у высших армейских чинов, казачества и учащихся профессиональных заведений.

Учет всех этих особенностей золотого шитья форменного военного обмундирования актуален и для территории юга Западной Сибири, поскольку территория Верхнего Приобья, включая целый ряд острогов (в том числе и Умревинский), принадлежала к ведомству Колывано-Воскресенских горных заводов [32, с. 5, 11]. В составе этого заводского ведомства с 1756 г. находились как регулярные, так и казачьи воинские части [33, с. 208]. На основании серии указов с 1761 по 1796 гг. устанавливался красный цвет мундиров учащихся, горных офицеров и чиновников Берг-коллегии. Также следует упомянуть, что воспитанники Горного училища в конце XVIII в. имели форменные мундиры (портрет А. А. Турчанинова, художник Л. С. Станишевский 1777 г.) с металлическим шитьем [34].

По данным письменных и картографических источников известны факты посещения некоторых верхнеобских острогов и их окрестностей артиллеристами и горными специалистами в XVIII – начале XIX в. В первом случае это инспекция и ремонт артиллерии Уртамского острога в 1746 г. штык-юнкером Красносельцевым [35, л. 52]. Во втором случае – составлениеunter-shixht-meysterom Сургуновым в 1829 г. геометрического специального плана Ояшинской волости с Умревинским острогом и поселем.

Заключение. Комплексный и системный анализ археологических материалов элитарных детских погребений (Умна-2 курган 1 погребение 1, Умна-3 курган-8, погребение 1, Юрт-Акбалык-8 курган 23, погребение 1,2, Иванов-

ка-б курган-3) эпохи раннего средневековья, расположенных на севере Верхнего Приобья, дает все основания предполагать наследственный характер передачи статусных и престижных предметов, типичный для традиционных обществ. В этнографических материалах Южной Сибири этому процессу имеются соответствующие модели. Например, у тувинцев мальчикам надевали шубу со всеми знаками отличия, присущими взрослым, именно в трехлетнем возрасте. Застегивался этот костюм поясом, который делал ребенку отец, «приобщая его тем самым не только к миру взрослых», но и к своему социальному кругу. Таким образом на трехлетнего ребенка полностью проецировалась социальная шкала общества конкретной исторической эпохи, отражая общественный престиж его родителей (отца), а не только их достаток. Для тюрко-монгольской традиционной концепции жизненного цикла трехлетний период представлял собой качественный рубеж в формировании человека [36]. На уровне архаического сознания естественные качественные изменения, происходившие в растущем ребенке (владение речью, появление сновидений и памяти, первичной половой типизации и дифференциации, развитие самосознания), интерпретировались через мифологическую призму, в процессе подготовки его к самостоятельной жизни в обществе.

В свою очередь, поиск аналогий в письменных источниках для находки фрагментов и золотошвейной отделки детской одежды, сходной с мундиром рубежа XVIII–XIX столетий в некрополе на месте Умревинского острога (погребение К (49)), можно дополнить изобразительными данными – детским портретом в русской живописи XVIII века. На таких полотнах воспроизводились дети в их взрослых социальных ролях, включая военную и другую служебную карьеру, в которой мундир играл важную опознавательную роль [37, с. 28]. Для периода от конца первой четверти до 80-х годов XVIII века известна целая серия малолетних гвардейских нижних чинов [38, с. 127, 175, 178, 192]. Исторически это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в петровское время был издан указ от 9 марта 1714 г. о начале воинской службы дворян с рядовых чинов. Этот «регламент» актуален не только до 30-х годов этого столетия, но и был пролонгирован сенатским указом от 4 октября 1760 г. [39, с. 40]. Во-вторых, в рамках стремления обойти эти правила стала практиковаться запись детей дворян в определенные полки еще до их рождения⁵ [40, с. 6]. Таким образом, к малолетству дворянские отпрыски уже приобретали офицерский статус и право на соответствующий мундир. Эта практика сохранялась какое-то время и после 1762 года, когда Петр III издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», согласно которому оно освобождалось от обязательной военной и гражданской службы, введенной Петром I.

⁵ «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя В., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук» (А. С. Пушкин, Капитанская дочка. Глава 1 «Сержант»).

В целом на территории Западной Сибири в XVIII столетии русская форменная одежда была не только одним из признаков высокого социального статуса, но и атрибутом, активно переносимым местным населением (русским иaborигенным) в свою ритуальную сферу. В случае с элитарным детским захоронением на территории упраздненного Умревинского острога серебряное шитье форменной одежды также было интегрировано в православную ритуальную традицию, активно отражавшую социальный статус погребенного на сельских погостах Верхней Оби. В свою очередь, этот населенный пункт с первой четверти XVIII века вошел в сферу административно-хозяйственного подчинения Колывано-Воскресенских заводов Горного ведомства Российской империи, располагавшего собственной форменной статусной одеждой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Хайдеггер М.** Работы и размышления разных лет / сост. и пер. А. В. Михайлова // Исток художественного творения. – М.: Гnosis, 1993. – 464 с.
2. **Лосев А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
3. **Хахулина Г. Э.** Детский портрет в русской живописи XVIII века // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 12 (66). – С. 22–24.
4. **Веременко В. А.** Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2015. – 203 с.
5. **Троицкая Т. Н.** Детские погребения в VI–V вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 59–68.
6. **Borodovskij A. P.** Fruhmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am Oberen Ob', Sibirien // Eurasia Antiqua. – Berlin, 2001. – Band 7. – S. 569–584.
7. **Hunter D. and P. Whitten** (eds.) Encyclopedia of Anthropology. – New York: Harper & Row, 1976. – 411 p.
8. **Currie A.** Ethnographic analogy, the comparative method, and archaeological special pleading // Studies in History and Philosophy of Science. – 2016. – № 55. – P. 84–94.
9. **Клейн Л. С.** Археологическое исследование: Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. – Донецк: Издательство ДНУ, 2013. – 559 с.
10. **Клейн Л. С.** Археологический источники. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 120 с.
11. **Campbell N. R.** Physics: Elements, Fundamentals of Science. – New York: Dover, 1957. – 586 р.
12. **Ковтун О. А.** Церковное шитье в ризнице собора Святого Симеона Верхотурского (к вопросу о монастырских мастерских золотого шитья XIX века на Урале) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2017. – № 3. – С. 72–77.
13. **Глинка В. М.** Русский военный костюм XVIII – начала XX века. – Л.: Сов. художник, 1988. – 237 с.
14. **Бабушкина Н. В.** Золотое шитье. – М., 2003. – 64 с.
15. **Бауло А. В.** Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Баско, 2014. – 208 с.
16. **Комар А. В.** Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI–VIII вв.) // Stratum Plus. – 2011. – С. 555–556.
17. **Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.** Погребения младенцев в курганах VII в. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 149–162.
18. **Засецкая И. П.** Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 14–30.
19. **Уманский А. П.** Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – С. 129–163.

-
20. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большелерченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 183 с.
21. Бородовский А. П. Проблемы этно-территориальной интерпретации некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – С. 29–31.
22. Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники и общество таежного Приобья: основные характеристики // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. – Екатеринбург: Сургут: Магеллан, 2013. – С. 102–124.
23. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. (МИА. № 48). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 160 с.
24. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Приобье. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 280 с.
25. Боброва А. А. Реконструкция косников, накосных головных украшений по материалам средневековых могильников // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и Позднее Средневековье. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 76–79.
26. Троицкая Т. Н., Новиков А. А. Кохалевка-23 – памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 116–119.
27. Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: Изд-во Алт. ун-та, 1992. – 120 с.
28. Ширин Ю. В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда. – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 449–452.
29. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. – М., 1991. – 302 с.
30. Элиаде М. Аспекты Мифа. – М.: Инвест-ППП, СТ ППП, 1995. – 238 с.
31. Гофман А. Б. Мода и люди. – М.: Наука, 1994. – 120 с.
32. Мамсик Т. С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. – Новосибирск, 2009. – 226 с.
33. Пережогин А. А. Ведомственный батальон кабинетских заводов Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Серия История, Политология – 2009. – № 4/4 (64/4). – С. 208–212.
34. Попов С. А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России. – М., 2016. – 116 с.
35. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области) Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. л. 52.
36. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрок Южной Сибири. Человек и общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 225 с.
37. Майборода О. А. «Маленькие взрослые»: детский портрет XVIII века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина – 2020. – № 1 (66). – С. 26–32.
38. Леонов О. Г. Русский военный костюм. Гвардейская пехота XVIII века. – М., 2019. – 216 с.
39. Новицкая Т. Е. Поступление на государственную службу в середине XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2011. – № 4. – С. 36–51.
40. Пушкин А. С. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. – М., 1969. – 478 с.

REFERENCES

1. Heidegger M. Works and reflections of different years / comp. and A. V. Mikhailov's lane. *The source of artistic creation*. Moscow: Gnosis Publ., 1993, 464 p. (In Russian)
2. Losev A. F. The problem of symbolism and realistic art. Moscow: Iskusstvo Publ., 1976, 367 p. (In Russian)
3. Khakhulina G. E. Children's portrait in Russian painting of the XVIII century. *International scientific research journal*, 2017, no. 12 (66), pp. 22–24. (In Russian)
4. Veremenko V. A. Children in noble families of Russia (the second half of the XIX – the beginning of the XX century). St. Petersburg, 2015, 203 p. (In Russian)

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
PART I. CULTURAL HISTORY

5. Troitskaya T. N. Children's burials in the VI–V centuries BC – VII–VIII centuries AD in the Novosibirsk region. *Economics and social system of ancient and medieval tribes of Western Siberia*. Novosibirsk: NGPI Publ., 1989, pp. 59–68. (In Russian)
6. Borodovskij A. P. Frühmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am Oberen Ob', Sibirien. *Eurasia Antigva*. Berlin, 2001, Band 7. S. 569–584.
7. Hunter D. and P. Whitten (eds.) *Encyclopedia of Anthropology*. New York: Harper & Row Publ., 1976, 411 p.
8. Currie A. Ethnographic analogy, the comparative method, and archaeological special pleading. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2016, no. 55, pp. 84–94.
9. Klein L. S. Archaeological research: The methodology of the archaeologist's desk work. Book 2. Donetsk: Publishing House of DNU, 2013, 559 p. (In Russian)
10. Klein L. S. Archaeological sources. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1978, 120 p. (In Russian)
11. Campbell N. R. Physics: Elements, Fundamentals of Science. New York: Dover Publ., 1957, 586 p.
12. Kovtun O. A. Church sewing in the sacristy of the Cathedral of St. Simeon of Verkhotursky (on the question of monastic workshops of gold embroidery of the XIX century in the Urals). *Bulletin of SUSU. Series "Social and humanitarian sciences"*, 2017, no. 3, pp. 72–77. (In Russian)
13. Glinka V. M. Russian military costume of the XVIII – early XX century. Leningrad: Soviet artist, 1988, 237 p. (In Russian)
14. Babushkina N. V. Gold embroidery. Moscow, 2003, 64 p. (In Russian)
15. Baulo A. V. Sacred places and attributes of the northern Mansi at the beginning of the XXI century: Ethnographic album Khanty-Mansiysk. Yekaterinburg: Basko Publishing House, 2014, 208 p. (In Russian)
16. Komar A. V. Where are the coins “late”? (On the question of the role of coins in the dating of early medieval monuments of Eastern Europe in the VI–VIII centuries). *Stratum Plus*, 2011, pp. 555–556. (In Russian)
17. Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Burials of infants in burial mounds of the VII century in the Novosibirsk Ob region. *The worldview of the Finno-Ugric peoples*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, pp. 149–162. (In Russian)
18. Zasetskaya I. P. Classification of polychrome ornaments of the Hunnic epoch according to stylistic data. *Antiquities of the epoch of the Great migration of peoples of the V–VIII centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 14–30. (In Russian)
19. Umansky A. P. Burial of the epoch of the “Great Migration peoples” on Charysh. *Ancient cultures of Altai and Western Siberia*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1978, pp. 129–163. (In Russian)
20. Troitskaya T. N., Borodovsky A. P. Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 183 p. (In Russian)
21. Borodovsky A. P. Problems of ethno-territorial interpretation of some early medieval decorations of the Upper Ob. *The methodology of complex research of cultures and peoples of Western Siberia*. Tomsk: Publishing House of the Tomsk University, 1995, pp. 29–31. (In Russian)
22. Borzunov V. A., Chemyakin Yu. P. Karymsky monuments and society of the taiga region: main characteristics. Archeology of the North of Russia: from the Iron Age to the Russian Empire. Yekaterinburg-Surgut: Magellan Publ., 2013, pp. 102–124. (In Russian)
23. Gryaznov M. P. History of ancient tribes of the Upper Ob. (MIA. No. 48). Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956, 160 p. (In Russian)
24. Goldina R. D. Lomovatov culture in the Upper Ob region. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University, 1985, 280 p. (In Russian)
25. Bobrova A. A. Reconstruction of kosnikov, oblique head ornaments based on materials from medieval burial grounds. *Scythian-Siberian cultural and historical community. Early and Late Middle Ages*. Omsk: Publishing House of OmSU, 1987, pp. 76–79.
26. Troitskaya T. N., Novikov A. A. Kokhalevka-23 – monument of the Odintsovo stage of the Upper Ob culture. *Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (according to archeology)*. Omsk: OmSU Publ., 1992, pp. 116–119. (In Russian)

27. Biysk, Biysk district. Historical and cultural monuments. Biysk: Publishing House of the Alt. university, 1992, 120 p. (In Russian)
28. Shirin Yu. V. On the components of cultural genesis at an early stage. *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress*. Kazan: Fatherland, 2014, Vol. II, pp. 449–452. (In Russian)
29. Kosarev M. F. Ancient history of Western Siberia: man, and the natural environment. Moscow: 1991, 302 p. (In Russian)
30. Eliade M. Aspects of Myth. Moscow: Invest-PPP, ST. PPP, 1995, 238 p. (In Russian)
31. Hoffman A. B. Fashion and people. Moscow: Science, 1994, 120 p. (In Russian)
32. Mamsik T. S. Chaussy Priobye: population and economy: the experience of retrospections based on the materials of the XVII–XIX centuries. Novosibirsk, 2009, 226 p. (In Russian)
33. Perezhogin A. A. Departmental battalion of cabinet factories in Western Siberia. *Izvestiya Altai State University. Series History, Political Science*, 2009, no. 4/4 (64/4), pp. 208–212. (In Russian)
34. Popov S. A. Uniform of students and pupils of pre-reform Russia. Moscow, 2016, 116 p.
35. GANO (State Archive of the Novosibirsk region) F. D-104. Op. 1. D. 1. L. 52. (In Russian)
36. Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Man, and society. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, 225 p. (In Russian)
37. Mayboroda O. A. "Little adults": a children's portrait of the XVIII century. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2020, no. 1 (66), pp. 26–32. (In Russian)
38. Leonov O. G. Russian military costume. Guards' infantry of the XVIII century. Moscow, 2019, 216 p. (In Russian)
39. Novitskaya T. E. Admission to public service in the middle of the XVIII century. *Bulletin of the Moscow University*. Episode 11. Pravo, 2011, no. 4, pp. 36–51. (In Russian)
40. Pushkin A. S. Collected works in six volumes. Vol. 4. Moscow, 1969, 478 p. (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Novosibirsk State Pedagogical University; Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.09.2025

The article was submitted: 08.09.2025

Одобрена после рецензирования: 28.09.2025

Approved after reviewing: 28.09.2025

Принята к публикации: 02.10.2025

Accepted for publication: 02.10.2025